

ЗОЛОТОЙ ВЕК РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Юрий А. Домбровский

ГЕНИЙ ЖАНРА

Юрий Александрович Домбровский

Гений жанра

Серия «Золотой век русской литературы»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25022743
Ю.А. Домбровский. Гений жанра: ИТПК; Москва; 2017
ISBN 978-5-88010-433-8

Аннотация

Второй роман Юрия А. Домбровского их серии «Золотой век русской литературы» – «Гений жанра» – посвящён великому русскому поэту М. Ю. Лермонтову, вундеркинду и гению эпистолярного, литературного жанра своего времени, жизнь которого трагически оборвалась на дуэли в 27 лет. Роман интересен не только биографическим сведениями о гениальном поэте, но и слогом повествования, перекликающимся с мыслями поэта, заключёнными им в своих записях и письмах, собранных в архивах, а также прозвучавших в живых диалогах со своими современниками. Роман основан на переписке Лермонтова с близкими и друзьями, а также на документах исследований жизни и смерти поэта и рассчитан на самый широкий круг читателей.

Содержание

Жизнь до...	5
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Ю. А. Домбровский

Гений жанра

© Домбровский Ю. А., 2017,

© Издательство ИТРК, издание и оформление, 2017

Жизнь до...

Часть первая

Посвящаю своему сыну Михаилу Юрьевичу

Михаил Юрьевич Лермонтов
1814 – 1841

В ночь со второго на третье октября 1814 года в доме генерал-майора Толя, что у Красных Ворот родился мальчик. Родился он совсем слабеньким и хилым. Назвали его Мишенькой. Мать Мишеньки, единственная дочь и наследница пензенской помещицы Елизаветы Алексеевны Арсеньевой, была ещё совсем юной – восемнадцати лет от роду, однако с очень тонкой, доброй, одарённой музыкальной душой молодой женщиной. Отец – капитан, мягкий по характеру, но с достаточно вспыльчивой, легко воспламеняющейся натурой, доводящей его порой до суровости, с весьма грубыми и дикими проявлениями. Брак, заключённый против воли Арсеньевой, был неравным и оказался несчастным. Арсеньева была женщиной непреклонного характера, даже деспотичного, привыкшая повелевать и никому не уступать в делах и мнении. Происходила она из старинного дворянского рода и представляла собой типичную помещицу старого закала, привыкшую притом высказывать всякому в лицо правду, хотя бы самую горькую.

Спустя несколько месяцев семья Лермонтовых вместе с малышом съехала из дома генерал-майора Толя и перебралась в имение бабушки маленького Миши – Арсеньевой – в Тарханы Чембарского уезда Пензенской губернии. Марья Михайловна, матушка Миши, часто болела, и с внуком всё

больше занималась бабушка. Маленький Миша помнил, как маменька пела ему песенку, от которой он плакал. Некоторые думают, что человек начинается с рождения, – возможно, так оно и есть, но всё ведь начинается с первого воспоминания, ведь оно и есть начало сознательной жизни.

Мишелю – так его здесь все называли – тогда не было и трёх лет, и он помнил, как он играл в постельке с игрушками, а мама стояла у окна и смотрела на дождливую осеннюю погоду, на мелкий морозящий дождь, который стекал по стеклу, и пела какую-то печальную песню. Мишель отложил игрушку и стал слушать, и на душе его стало так сладко и грустно одновременно, что он заплакал, а когда она перестала петь, он попросил:

– Мама, мамочка, голубчик, спой ещё.

И она снова пела, глядела на него печально и гладила по голове, будто прощалась.

Прошло немного времени, Мише снова вдруг стало грустно – так, что слёзы сами выступили из глаз, и он стал звать маму. Но вместо мамы зашла бабушка – глаза её были заплаканы.

– Ты, пожалуйста, уйди! Мама, мамочка, приди, – стихами попросил Миша.

– Мамочка твоя больше ни придёт никогда, – всхлипнула бабушка, – её Боженька взял.

– Так пусть вернёт, – расплакался Миша, – это моя мамочка.

Это было единственным воспоминанием об умершей матери, а на могильной плите местного кладбища появилась надпись: «Житие ей было – 21 год, 11 месяцев, 7 дней».

Вскоре из Тархан уехал и его отец, Юрий Петрович, оставив маленького сына на попечение Елизаветы Алексеевны и няньки. Няня была с Мишенькой с самого рождения. Звали её Христина Осиповна Ремер. Была она немкой, уже пожилой женщиной, часто шурилась оттого, что плохо видела. Сначала он не мог выговорить её имя, но постепенно научился. Миша часто болел. Бывало, проснётся среди ночи, голове больно, дышать трудно, лежать неудобно, душно, – а тут обязательно с ним рядом нянька. Положит на лоб влажную тряпочку, смоченную уксусом, даст попить чего-нибудь кисленького – и ему легче становится. А коль раскапризничается, начинает кричать на неё:

– Ты плохая, уходи отсюда!

Няня, конечно, огорчалась.

– Все люди перед Небом равны. Надо уважать каждого человека, нельзя говорить плохо с теми, которые от тебя зависят, – говорила она маленькому Мише. Так учила она маленького Лермонтова, и за это её все уважали. Дом, в котором рос маленький Мишель, как его часто называла бабушка, был большим, красивым, с мезонином и чугунной оградой вокруг. Бабушка была богатой, родовитой, и работало на неё более шестисот крепостных душ. Обстановка в доме тоже была богатой: мебель красного дерева, картины, ковры,

посуда. Детская помещалась на хорах, пол застлан сукном. Мишель любил ползать по нему и рисовать мелом. Сначала няня сердилась и хотела запретить ему рисовать, а потом смотрит, у малыша ловко так всё получается: и лошадка, и собачка. Никто ещё его никаким наукам не учил, и рисованию тоже, а он уже так хорошо рисовал. Показала бабушке. Елизавета Алексеевна подивилась и купила ему акварельные краски, кисти и бумагу. Мишель по привычке болел, из дому его не выпускали. Вот сидел он у широкого подоконника и рисовал всё, что видел в окно. А в окне он видел сад, за ним – поле, стога, ещё дальше – лес. Всё это он рисовал и раскрашивал красками. И так у него получалось всё ярко и живо.

Когда приехали гости, Елизавета Алексеевна не удержалась, чтобы похвастаться внуком, и показала его рисунки.

– Какой одарённый ребёнок, – покачивали головами гости. – Ведь это подлинные пейзажи, и рисует Мишель просто восхитительно. Эти рисунки необходимо сохранить – а ну как он сделается знаменитым художником, им же цены не будет.

Некоторые рисунки бабушка сохранила.

Вообще Елизавета Алексеевна, бабушка поэта, была не особенно красива: высокого роста, сурова и до некоторой степени неуклюжа. Хотя обладала недюжинным умом, силой воли и деловой хваткой. Происходила она из знаменитого старинного рода Столыпиных. Её отец, Алексей Емельянович Столыпин, несколько лет избирался Пензенским губерн-

ским предводителем дворянства. В его семье было одиннадцать детей. Елизавета Алексеевна была первым ребёнком. Один из её родных братьев, Александр, служил адъютантом у знаменитого полководца Суворова, двое других, Николай и Дмитрий, вышли в генералы. Один стал сенатором и дружил со Сперанским – известным реформатором и законодателем, двое других избирались предводителями губернского дворянства в Саратове и Пензе. Одна из её сестёр была замужем за московским вице-губернатором, другая – за генералом. Бабушка будущего поэта страстно любила внука, который в детстве не отличался крепким здоровьем. Энергичная и настойчивая, она прилагала все усилия, чтобы дать ему всё, на что только может претендовать продолжатель рода Лермонтовых. О чувствах и интересах отца она не заботилась. Мальчик вообще родился болезненным, и все детские годы страдал золотухой; но болезнь эта развивала в нём, как ни странно, необычайную нравственную энергию. Болезненное состояние ребёнка требовало так много внимания, что бабушка, ничего не жалевшая для внука, наняла для него доктора Ансельма Леви – еврея из Франции, главной обязанностью которого было лечение и врачебный надзор за маленьким Мишей.

Лишённый возможности развлекаться обычными для детей забавами, Миша начал искать их в самом себе. Воображение стало для него новой игрушкой. Во время частых и мучительных бессонных ночей, задыхаясь между горячими

подушками, он уже учился побеждать страдания тела, увлекаясь детскими грёзами души. Вероятно, это его раннее умственное развитие и особый, какой-то взрослый взгляд на жизнь мешали его выздоровлению...

Это раннее развитие стало для Мишеля источником огорчений: никто из окружающих не только не был в состоянии пойти навстречу «грёзам его души», но даже и не замечал их. В угрюмом и часто замкнутом в себе ребёнке росло презрение к повседневной окружающей жизни. Всё чуждое, враждебное ей возбуждало в нём горячее сочувствие, а поскольку он сам был одинок и несчастлив, всякое одиночество и чужое несчастье, происходящее от людского непонимания, равнодушия или мелкого эгоизма, казалось ему своим и болью отзывалось в маленьком сердечке. В его сердце проживали одновременно рядышком чувство отчуждённости среди людей и непреодолимая жажда родной души, такой же одинокой, близкой поэту своими грёзами и, может быть, страданиями. Кроме няни, у маленького Мишеля был и гувернёр – француз месье Жан Капе. Он обучал ребёнка языкам и приличному поведению в доме и в обществе. Когда-то он жил во Франции и пришёл в Россию вместе с Наполеоном. В России несчастный француз был ранен при отступлении и взят в плен. Ему ещё сильно повезло, что он попал в плен, потому как в России тогда стояли сильные морозы, глубокие снега, и если б его не подобрали на краю зимней дороги добрые люди, он бы просто замёрз. Хотя они и не понимали фран-

цузского языка, но выходили невезучего завоевателя. И пришлось Жану Капе научиться говорить по-русски. А когда он выздоровел, то решил навсегда остаться в России и стал служить гувернёром. Так Россия стала для него родиной, и он остался служить у бабушки маленького Лермонтова.

Жан Капе говорил с Мишелем по-французски, Христина Осиповна – по-немецки, и маленький Лермонтов свободно разговаривал на этих языках уже с детства. Ещё он научился латыни и английскому языку. Начал читать книги на тех языках, на которых они были написаны: стихи Байрона – из английской книги, стихи Гейне – из немецкой.

И как-то так само собой получилось, что всё чаще он стал говорить в рифму. Привезут, бывало, гости какую-нибудь механическую игрушку-птичку, которая умеет махать крыльшками и красиво петь, послушает Мишель её пение и скажет:

– Эта птичка хороша, у неё поёт душа.

Или вспомнит маменьку и грустно так скажет:

– Что же мама не идёт, ведь Мишель всё ждёт и ждёт.

Гости поражались, удивлялись, радовались, глядя на него, и говорили:

– Какое дитя интересное! За ним нужно непременно записывать вдруг вырастет и известным поэтом сделается.

Но никто не записывал, только удивлялись да хлопали в ладоши. И получилось, что стихи маленького поэта никто не запомнил. Скоро бабушка стала замечать, что её внук

всё чаще становился задумчивым, непривычно молчаливым. Он находил укромное место где-нибудь у окна и торопливо записывал строчки стихов, которые приходили внезапно и неизвестно откуда...

К сожалению, те детские стихи маленького Лермонтова не сохранились. Впрочем, детские рисунки его тоже не сохранились, хотя рисовал он много – как на бумаге, так и мелом на грифельной доске. Ещё, когда он был мал, он помнил, как любил смотреть на луну, на разнообразные облака, которые в виде рыцарей со шлемами теснились вокруг неё, будто рыцари, сопровождающие Армиду в её замок, полны ревности и беспокойства. И часто вспоминался сон, который снился ему не раз: будто он маленьким ребёнком ехал куда-то в грозу, и вдруг налетело облако – небольшое, похожее на клочок оторванного плаща, которое несло по небу. Это очень сильно подействовало на его душу, сильно взволновало и долго потом вспоминалось.

2

Бабушка Елизавета Алексеевна души во внуке не чаяла. Во-первых, потому, что он был у неё единственным внуком. Своего мужа она потеряла рано, единственная дочка умерла, и больше у неё никого не оставалось. Во-вторых, любила она своего внука, потому что просто любила. Ведь часто так бывает, что любишь, не зная за что, просто любишь – и всё тут.

У бабушки не было скучно. Она всё время что-нибудь придумывала для любимого внука. Однажды она приказала, чтобы во двор, где играл внук, привели маленьких оленёнка и лосёнка. Мишель был очарован: гладил их по шерсти, обнимал, прижимал к себе, кормил их хлебом, берёзовыми вениками, сеном. Они стали его лучшими друзьями. Но когда они немного подросли и олень стал бодаться отросшими рогами, а лось лягаться, их перестали приводить во двор для игр и отвели в лес – на дальнюю ферму. А внуку бабушка выписала из Москвы небольшую черкесскую лошадку. Для Мишеля сделали небольшое детское седло, и вскоре он уже лихо носился верхом по поместью, вызывая немалую тревогу и опасения бабушки. Она поглядывала в окно, тихо крестилась, повторяя слова молитвы, чтобы Бог поберёг её внука, но лошадку не забирала.

Ещё Мишель очень любил военные игры. Бабушка, заметив это новое увлечение внука, поселила в доме несколько мальчиков – ровесников внука. Они вместе строили снежную крепость, а потом, одетые в военную форму, штурмом брали её. Впереди на своей лошадке скакал Мишель с деревянной саблей наперевес, а его соратники, его верные воины бежали рядом с игрушечными ружьями. Разыгрывали они сражения Александра Македонского и Петра Великого, увлекаясь играми, будто настоящим боем.

А когда наступала оттепель, с крыши свисали большие сосульки, с которых, позванивая, капали хрустальные капли,

поблёскивающие на солнце, и снег становился рыхлым, лепили из него разные фигуры. Приятели помогали ему выкапывать огромные снежные шары и нагромождать их друг на друга, а Мишель лопаткой и палкой вырубал из них фигуры свирепых великанов и всяких диковинных зверей. Получалось всё очень даже натурально – как в жизни или как в сказке. Заметив такое новое увлечение внука, бабушка купила ему коробку цветного воска, после чего он ни с кем не играл несколько дней, а, закрывшись в своей комнате, всё лепил что-то и никому не показывал. Бабушка не выдержала, попробовала посмотреть в замочную скважину, но ничего не увидела – больно мелкие были фигурки.

Наконец, по истечении трёх дней, он открыл дверь и позвал:

– Смотрите все!

Первой зашла в комнату бабушка, следом няня и гувернёр. На широкой доске они увидели настоящее батальное сражение: друг на друга мчались маленькие всадники, слоники, воины с мечами и копьями.

– Ой, да что это такое? – всплеснула руками бабушка. – Битва никак знаменитая. Воинов-то сколько – и пеших, и на лошадях, и на слонах.

– Сражение при Арабеллах, – торжественно сказал Мишель. Александр Македонский разбивает персидское войско.

– Какая красота! – восхитился гувернёр. – Это же в музей

надо.

– Подлинное произведение искусства, – добавила няня. – Никогда такое не видела.

– В следующий раз я вылеплю «Спасение Александра Великого Клитом при переходе через Граник».

Бабушка с гордостью посмотрела на внука, а потом попросила:

– Я эти военные дела не очень люблю, Мишель, а ты слепил бы для меня, например, охоту на зайцев – с верховыми, с собаками. У меня как раз день ангела скоро, вот бы и подарил.

Через несколько дней бабушка получила «Охоту на зайцев». Эти лепные работы внука Елизавета Алексеевна долго ещё хранила.

Когда Мише исполнилось пять лет, бабушка привезла внука в Москву, где он впервые посетил театр. В театре Мишель глаз не сводил с актёров. Давали оперу «Невидимка» или «Личард-волшебник».

– Какие чудные стихи! – восхитился юный театрал. – И музыка красивая.

– Стихи написал поэт Лифанов, – пояснила бабушка, а музыку к стихам – композитор Кавос.

– Я тоже обязательно напишу стихи, – твёрдо сказал Мишель, – и к ним напишут красивую музыку.

– А знаешь, бабушка, я уже прочитал стихи Жуковского и Державина – они так же красиво звучат, как музыка. Хочешь,

почитаю тебе – я помню некоторые наизусть, – и стал читать.

– А ведь и правда, красиво звучат, – согласилась бабушка. – Раньше я и не замечала, хотя слышала их.

– Эти стихи как музыка, – говорил маленький Миша. – И немецкие тоже есть как музыка, и английские... А то есть ещё такой поэт Александр Пушкин – у него очень красивые стихи. Я тоже хочу научиться так писать.

– Ты обязательно напишешь, Мишель, – она погладила его по голове. – Ты у меня такой умный, что я просто диву дивлюсь. А раз хочешь – непременно напишешь.

К шести годам будущий поэт был совсем небольшого роста, но очень крепкий и сильный. Среди чёрных кудрей волос на лбу его выделялась белая прядь, будто был он Богом помеченный. А большие голубые глаза его просто излучали блеск.

Стала бабушка замечать, что внук всё чаще запирался в своей комнате, всё чаще становился печальным, усаживался на подоконник и что-то быстро писал в свою тетрадку.

– Не заболел кабы, – думала Елизавета Алексеевна, и на всякий случай решила свозить его на Кавказ, в Пятигорск, – хуже не будет.

3

Маленький Лермонтов гулял с бабушкой и гувернёром по Пятигорску, любовался горой Машук, а из окна его комнаты,

где они остановились, просматривалась вдалеке заснеженная вершина величественного Эльбруса. И отчего-то ему становилось вдруг так печально, так одиноко, словно ему суждено было почувствовать печаль и одиночество всего человечества, всех людей на земле. И тогда он снова прятался от взрослых, доставал свою тетрадку и торопливо записывал строчки стихов, которые приходили внезапно и неизвестно откуда. Он исписал уже почти всю тетрадь, по инстинкту переписывал и прибирал их, если ему что-то не нравилось. Недавно он прочёл о жизни Байрона, что он делал то же самое, — это сходство его поразило.

Музыка его сердца казалась ему совсем расстроенной. Ни одного звука не получалось извлечь из скрипки или фортепиано, чтобы они не возмущали его слуха. Для шестилетнего ребёнка это было слишком сильным ощущением и потрясением. Он даже задумал сжечь тогда свою тетрадь, чтобы никто не видел его позора, и даже вообще перестать писать стихи...

Уже вернувшись в Тарханы, Мишель стал много думать. Кто он и зачем появился на свет? Кем были его предки? Кем он был сам? Лишённый возможности развлекаться обычными забавами детей, он начал искать их в самом себе. Воображение стало для него новой игрушкой... Говорят, ранняя страсть означает душу, которая будет любить изящные искусства, что в такой душе много музыки. У него вообще с шестилетнего возраста обнаружилась страстная склонность к

мечтательности, влечение ко всему героическому, величавому, бурному. Однажды он подошёл к своей бабушке и, чем-то сильно обеспокоенный, прямо спросил её:

– Бабушка, милая, расскажи мне всё о моих родителях, о моих прадедах – я должен знать всё.

– Ты уверен, мой дорогой мальчик, что хочешь знать всё? – нахмурилась Елизавета Алексеевна.

– Да, бабуля, я хочу знать всё.

– И с какого места ты хочешь услышать, милый? – бабушке явно не хотелось ворошить прошлого.

– С самого начала, – уже спокойно ответил он.

– Хорошо, мон шер, видно пришло время – садись и слушай, я расскажу тебе всё, что знаю, – сказала она, поудобнее устраиваясь в глубоком кресле. – Род Лермонтовых, – начала бабушка издалека, – по предположению имел шотландские корни и восходил к некоему барду-пророку Томасу Лермонту. Так рассказывал твой отец, хотя это никем не доказано. Известно, что предок твой – ротмистр русского рейтарского строя Юрий Лермонт погиб при осаде Смоленска ещё в семнадцатом веке. Сохранились документы относительно твоего прадеда – Юрия Петровича Лермонтова, воспитанника шляхетского кадетского корпуса, – я их видела. В то время род Лермонтовых ещё пользовался благосостоянием, – грустно улыбнулась бабушка, – захудалость началась ближе ко времени твоего отца, Мишенька.

– А кто был мой отец? – перебил бабушку внук. – Ты ни-

когда о нём не рассказывала, будто его и нет вовсе. Если он жив, почему не навещает меня?

– Всё по порядку, мон шер, не спеши, я всё тебе расскажу, раз уж начала, – она внимательно посмотрела в глаза внуку и продолжила: – Твой отец жив, но я запретила ему встречаться с тобой – таков наш уговор.

– Какой уговор?

– Мы условились с ним, что он не будет искать с тобой встреч, пока тебе не исполнится шестнадцать лет – так мы договорились.

– Но почему?

– Хорошо, – слушай, вздохнула бабушка, – ты уже большой мальчик и должен понять всё правильно. Твой отец Юрий Петрович слыл редким красавцем и был прекрасно сложен – этого у него не отнять. В этом смысле слова его можно было назвать изящным мужчиной твоя мама сразу же влюбилась в него, как только увидела. Поначалу он казался мне добрым, хотя и ужасно вспыльчивым. К тому же был ужасным повесой, – она задумалась на какое-то время, будто вытягивая что-то из своей памяти, потом, смахнув слезу, продолжила: – Я была против их брака. Но перед женитьбой он, как мне казалось, переменялся и даже вышел в отставку в чине пехотного капитана. У него было две сестры, проживавшие в Москве, но после свадьбы он с твоей мамой поселился в нашей усадьбе в Тарханах. Однако рожать свою молодую жену, твою маменьку, он повёз в Москву. Дочь моя

не отличалась крепким здоровьем, а в Москве можно было рассчитывать на помощь более опытных врачей... Там ты и родился в доме как раз напротив Красных Ворот – я тебе показывала, когда мы последний раз бывали в Москве.

Мишель слушал, не перебивая. Он будто окунался в некое таинство, доселе ему неизвестное. А Елизавета Алексеевна продолжала свой рассказ, будто вслух размышляя о превратностях судьбы и о так рано ушедшей из жизни единственной дочери.

– Отец твой хотел назвать тебя Петром, чтобы ты был Петром Юрьевичем, как дед твоего отца, но я настояла, чтобы тебя называли Михаилом – в память о моём деде... Тебе нравится твоё имя, мон шер?

– Нравится, – рассеяно ответил Мишель, будто его мысли были где-то далеко.

– Я даже в честь тебя назвала новое село в семи верстах от наших Тархан – Михайловское.

– Да, я знаю, ты мне говорила, – ещё больше погрузился он. Но почему отец после смерти маменьки так больше и не вернулся к нам?

– Твой отец быстро охладел к твоей маме, стал невыдержанным, на её глазах заводил шашни с гувернанткой немкой Сесильей – я её потом выгнала прочь, не гнушался и дворовыми девками... А однажды, когда мы возвращались в экипаже от соседей Головиных, твоя мама стала упрекать его в этом. И тогда он ударил её по лицу, ударил при мне, – ба-

бушка всё больше распалялась. – Могу представить, что было, когда они оставались одни. Это впоследствии и послужило поводом к тому невыносимому положению, которое установилось в нашей семье. От этого с невероятной быстротой развилась болезнь твоей маменьки, которая перешла скоро в чахотку и свела её в могилу, – Елизавета Алексеевна не выдержала и расплакалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.